

ВВЕДЕНИЕ*

В конце 1940-х годов Дж. Стьюард впервые описал цивилизации Старого и Нового Света как особый класс обществ, проходящих в своем развитии одни и те же этапы [Steward 1949]. И сам Стьюард, и многие из его последователей основное внимание обратили на Переднюю Азию и Центральные Анды.

Во втором десятилетии XXI в. попытки детально синхронизировать эпизоды хозяйственной, социальной и политической эволюции исторически не связанных между собой регионов выглядят наивно. Тем не менее главная идея Стьюарда благополучно выдержала проверку временем. Магистральный ход развития первичных цивилизаций одинаков. Этот факт остается самым важным (если не сказать единственным безоговорочно убедительным) доводом в пользу наличия определенного вектора в эволюции культуры и общества. Если общества находятся в сходных природных условиях и примерно на одинаковом технологическом уровне, скорость и направление их дальнейшего развития остаются сопоставимы на протяжении тысячелетий. Под сходными условиями имеются в виду не любые особенности климата и ландшафта, а критически важные параметры. Для ранних цивилизаций таковыми являлись потенциальная возможность развития земледелия и прочная обратная связь между интенсификацией земледелия и демографическим ростом. Наличие домашних животных — фактор тоже существенный, особенно в плане использования вторичных продуктов и развития средств транспорта. Однако Мезоамерика смогла достаточно успешно развиваться в отсутствие скотоводства, поэтому для формирова-

---

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 11-06-00441 «Динамика централизации—децентрализации традиционных социально-политических систем Старого и Нового Света по археологическим, историческим и этнографическим данным». Собрать материалы было бы невозможно без помощи десятков друзей и коллег в России и за рубежом, которым я выражаю огромную благодарность. Особо признателен другим участникам поддержанного РФФИ проекта, прежде всего Д.Д. Беляеву, С.А. Боринской и трагически погибшему А.В. Козьмину, памяти которого посвящаю эту книгу.

ния обществ рассматриваемого типа наличие скотоводства нельзя считать критически важным.

В российской археологии сопоставимость направления и темпов развития центральноандских и ближневосточных культур в 90-х годах особенно отстаивал В.А. Башилов [Башилов 1999]. Его, однако, интересовали процессы формирования производящей экономики, а не эволюция политических систем. Эта последняя тема в применении к двум рассматриваемым регионам и периоду раннее появления развитых государств вообще никогда у нас всерьез не рассматривалась. Сам я впервые осознал ее важность и перспективность, познакомившись с работой Ричарда Адамса «Энергия и структура. Теория социальной власти» [Adams 1975], которую и сейчас считаю одной из лучших книг в области социальной антропологии. Адамсу удалось исчерпывающе описать алгоритм формирования социополитических общностей любого типа и уровня — не в виде конечного набора ячеек, а как результат действия универсальных принципов взаимодействия между людьми и коллективами. Принципы эти элементарно просты, но способны породить бесконечное разнообразие организационных форм.

Важным рубежом на пути к адекватному описанию форм социополитического устройства в догосударственную эпоху было появление концепции вождества. Она постепенно сформировалась в контексте исследований школы Дж. Стьюарда, хотя сам термин получил распространение лишь в конце 50-х — начале 60-х годов в работах М. Салинза и Э. Сервиса. Приемлемое в первом приближении определение принадлежит Р. Карнейро: «Вождество — это автономная политическая единица, включающая в себя несколько деревень или общин, находящихся под постоянной властью верховного вождя» [Carneiro 1981: 45]. В 70-х — начале 80-х годов экономические и политические характеристики вождеств обсуждались многократно и всесторонне (например, [Earle 1987]). Затем исследователей стали все больше интересовать другие формы организации догосударственных социополитических систем.

Среди множества характеристик таких систем наиболее показательны численность, степень интегрированности и степень централизованности принятия решений (пресловутая вертикаль власти либо иные, в основном горизонтальные, связи, превращающие совокупность мелких коллективов в один более крупный). Все эти признаки поддаются хотя бы приблизительной оценке. Подобное

кросс-культурное сопоставление позволяет выйти за рамки привычных, но часто неточных терминологических штампов. Например, множество политических образований от древности до Нового времени, которые традиционно именуются царствами и княжествами, отвечают скорее стандартам вождеств. Еще больше таких, которые можно определить как общества среднемасштабные (или среднесложные) и которые включают вождества как распространенную, но не единственно возможную форму. Известная карта «Рост территории древних государств», традиционно открывающая школьный учебник и на всю жизнь закрепляющая в сознании его юных читателей стереотип восприятия прошлого, в действительности показывает рост территории не государств, а письменных цивилизаций, что не одно и то же. Картографирование среднемасштабных обществ и обществ, обладающих признаками, характерными для государств, позволяет выявить интереснейшие тенденции в социально-политической эволюции человечества. Осуществить такую работу под силу лишь коллективу исследователей, располагающих большими финансовыми и организационными возможностями. Эта книга — лишь очередной шаг на пути к решению подобной задачи.

Вождества, как уже было сказано, являются самыми распространенными политическими образованиями из числа среднемасштабных. Наряду с вождествами Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев выделяют «аналоги вождеств» (а также «аналоги государств») [Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev 2011]. «Аналоги» не имеют четкого определения, но лишены одного или нескольких признаков, характерных для вождеств типичных: иерархичности, централизованности, наличия формального лидера, организованной системы контроля над ресурсами, политической самостоятельности.

Если убрать все перечисленные признаки, то остается только размер, который для вождеств определяется в интервале от нескольких сот до нескольких тысяч человек. При этом суперсложные вождества, в которых число жителей зашкаливает (и порой значительно) за 10 тыс., могут считаться уже не вождествами, а «аналогами государства». Вместе с тем нецентрализованные и неиерархичные общества, состоящие из немногих сотен членов, по логике должны быть отнесены к категории простых. Если же рассматривать на правах особых типологических вариантов те случаи, когда отсутствуют не все, а только некоторые признаки вождеств, число характерных для среднемасштабных обществ вариантов политического устрой-

ства растет. Таким образом, у нас, с одной стороны, есть перечень социополитических параметров (формальное лидерство, контроль над ресурсами и пр.), а с другой — аналитически сконструированные типы, число которых исследователь волен увеличить или уменьшить.

Нечеткость подобной понятийной системы есть ее достоинство. Невозможность выделить ограниченное число ячеек, по которым было бы удобно размещать фактический материал, вытекает из многообразия самого материала. Формы социополитической организации — это такой же продукт эволюции, как и другие явления и объекты окружающего мира. Однако эволюционируют не типы обществ (от общин через деревни и вождества к государствам), а различные параметры (демографические, технологические, логистические, идеологические и пр.), которые эти общества характеризуют. К тому же все статистические тренды, даже самые мощные, способствующие отбору определенных форм, носят вероятностный характер. В результате наряду с распространенными формами мы имеем множество промежуточных и атипичных.

Трудности классификации среднемасштабных и близких к ним раннегосударственных обществ обусловлены не только проблемами типологии.

Общества, существовавшие в разных районах мира в эпоху европейских контактов, описанные в древних источниках или исследованные этнографами, — это лишь небольшая часть тех, которые в разное время возникали и исчезали. О большинстве обществ известно только по материалам археологии. В подобных случаях нет возможности непосредственно судить о признаках, которые приняты за конституирующие. Мы изучаем не отношения между людьми, а результаты деятельности людей, которые об отношениях свидетельствуют лишь косвенно. Тем не менее другого способа изучать эволюцию социополитических систем в их исторической динамике нет.

Число работ, посвященных типологии и общим проблемам функционирования политических систем, явно превышает число обществ, данные по которым используются в качестве примеров. Значительная часть накопленных археологами материалов во внимание не принимается. Между тем, как было сказано, прогресс исследований, осуществленных за последнее время, огромен. Для всех трех основных очагов политогенеза (Передняя Азия, Китай, Нукле-

арная Америка) датировки появления сложных обществ значительно удревнились, а степень разрешения в описании археологических культур повысилась. Поэтому презентация и обобщение фактического материала становятся уже не побочной, а одной из главных задач исследования. Именно создание базы данных по средне-масштабным обществам стало первоочередной целью работы, начатой в 2011 г. и поддержанной РФФИ. Хотя до полного осуществления подобного проекта требуются десятилетия, некоторые результаты анализа материалов по обществам южной половины Нуклеарной Америки подвести можно. Эти результаты особенно интересны в сравнении с данными по Передней Азии.

Автор книги стремился не только внести свой скромный вклад в изучение политогенеза. За последние годы в России вышло ничтожно мало публикаций, из которых читатель мог бы получить актуальные сведения об обществах и культурах Центральной Америки и андского региона в догосударственную эпоху, а обобщающих и сравнительных исследований не было вовсе. Единственная насыщенная материалом работа по культурам Центральных Анд появилась более 40 лет назад, причем предназначена она была исключительно археологам [Башилов 1972]. Ситуация с Передней Азией несколько лучше, но и здесь некоторые открытия пока известны лишь немногим специалистам. Стараясь сделать книгу доступнее для читателей смежных дисциплин, я снабдил ее довольно большим числом иллюстраций.

Вместе с тем отбор материалов для обзора определялся, исходя исключительно из интересов исследования — описать варианты обществ, устроенных сложнее, чем общины, и проще, чем государства, и известных нам почти исключительно по данным археологии. Особого внимания заслуживают случаи распада сложных политических систем. Эта тема как самостоятельное направление мало разработана не только в российской, но и в мировой науке. Также за пределами внимания большинства специалистов по политической организации древнейших сложных обществ осталась идеология их создателей, точнее — ее роль в процессах политической интеграции и дезинтеграции. Во многих случаях для изучения подобной темы просто нет данных. Однако некоторые общества Америки описаны в испанских источниках, а материалы древней иконографии освещают такие стороны культуры, о которых археологи обычно судить не в состоянии.

* * *

Сложными мы называем общества, имеющие надобщинный уровень организации, а среднемасштабными — те из них, в которых отсутствуют институты, характерные для государства. Практически, однако, провести между типами обществ четкую грань невозможно. Общины не одинаковы по размеру, структуре и степени социальной дифференциации, формы надобщинной организации тоже многообразны. Если же мы должны не изучать социополитические институты непосредственно, а реконструировать их по косвенным данным, надежда достичь консенсуса в выводах равна нулю. Бесконечно обсуждать варианты интерпретации археологических материалов — занятие бесперспективное. Гораздо разумнее признать за этими материалами статус единственных свидетельств процесса политогенеза и сопоставлять их не столько с этнографическими материалами, сколько друг с другом.

Какие же факты, известные по материалам археологии, можно использовать в качестве свидетельств усложнения политической организации? Мы отобрали несколько категорий данных, которые отличают культуры, существовавшие на протяжении последних тысячелетий, от более ранних, в которых подобных свидетельств нет. Важность именно этих данных признается и другими исследователями [Drennan et al. 2010; Lozny 2011: 125], хотя с какими конкретно формами социополитической организации они связаны — вопрос почти всегда спорный. Трудно даже утверждать, что все те общества, для которых одного из подобных свидетельств нет, были устроены проще всех тех, для которых оно обнаружено. Однако статистически связь рассматриваемых категорий данных с усложнением социополитической организации сомнений не вызывает.

Итак, археологически видимые и существенные для нас факты можно отнести к четырем главным категориям.

Общественно-культурные сооружения. Любые объекты сочетают практическую направленность с символической ценностью. Тем не менее в некоторых преобладает утилитарная функция (каналы, сельскохозяйственные террасы и пр.), а в других — символическая. Отделить собственно культурные сооружения от административно-общественных по данным археологии трудно, а часто вообще невозможно. Неизвестно, например, являются ли монументальные здания Урука храмами в узком значении слова или они имели более широкие функции [Gibson 2010: 87]. Сделать подобный выбор бы-

вает трудно и на основе этнографических наблюдений, поэтому определение точного назначения монументальных объектов не является критически важной задачей. В интересующем нас регионе, т.е. в пределах андского пояса Южной Америки и юго-востока Центральной Америки, сохранилась единственная этническая традиция, прямо продолжающая существовавшую до Колумба, — культура североколумбийских коги. Данные о постройках особого статуса, собранные среди коги в середине XX в., и лицах, которые принимают решения, показывают, что эти объекты можно с одинаковым правом именовать деревенскими храмами либо административными центрами, а людей — жрецами либо главами общин [Reichel-Dolmatoff 1975a: 201–202; 1985: 137–141].

Главное, о чем свидетельствуют масштабные общественные работы, — это координация труда многих людей и соответственно наличие больших и достаточно сплоченных коллективов. Сложность представляют оценка времени, ушедшего на создание объектов, и определение той границы, после которой объект следует считать «крупным». Универсальных критериев нет, но в пределах одной культурной традиции даже простое сравнение объемов перемещенного грунта по периодам отражает динамику изменения социальной структуры. Конкретные формы управления коллективами реконструкции в данном случае не поддаются. В качестве свидетельства политической сложности особое место занимает монументальная скульптура, требующая как специальных навыков обработки камня, так и коллективных усилий по транспортировке и установке тяжелых блоков.

Наличие изделий, производство или доставка которых объективно дороги, причем утилитарная полезность соответствующих предметов, если она вообще имеется, не оправдывает затраченного труда. Речь идет о предметах как из редкого сырья (из драгоценных металлов и камней редких пород), так и из доступного сырья. В последнем случае высокая стоимость предметов определяется дефицитом специалистов, способных их изготовить. Это высококачественная керамика, орнаментированные ткани и прочие «предметы искусства», создание которых требует профессиональной квалификации. Сокровища в захоронениях, кладах и жертвенниках свидетельствуют о существовании лиц, облеченных властью («вождей»), поскольку ценностями распоряжаются конкретные люди — по крайней мере де-факто. В то же время границу между «резкими»

и «умеренными» различиями можно установить лишь интуитивно и приближительно.

Крупные поселения. Жизнь в них при отсутствии современных средств снабжения и санитарии имела очевидные неудобства по сравнению с жизнью в небольших деревнях и хуторах близ сельскохозяйственных и промысловых угодий. Эти минусы должны были перекрываться преимуществами, проистекающими из контактов значительного числа людей. Прямой же контакт многих сотен и тем более тысяч людей предполагает наличие механизмов управления коллективом. Понятно, что никакой определенной границы между крупными и некрупными поселениями установить невозможно. К числу крупных мы будем относить поселения численностью не менее 1,5–2 тыс. человек. Выбор именно этой цифры довольно случаен и обусловлен перерывом постепенности (может быть, кажущимся) в распределении по площади поселений Месопотамии, Ирана и сопредельных районов. На фоне многочисленных деревушек площадью 1–4 га поселения площадью 12–15 га (с вероятным числом обитателей не менее 1,5 тыс.) резко выделяются, образуя верхний ярус двухуровневой системы, а поселения площадью порядка 6–8 га особого уровня, видимо, не образуют. При этом крупные поселения могли существовать и обособленно, не имея тяготеющих к ним деревушек и хуторов.

Трех- и (тем более) четырехуровневая иерархия поселений по размеру и различия в характере сооружений на поселениях разного ранга. Невозможно сказать наверняка, в какой степени системы поселений отражают иерархию в принятии решений в тех или иных древних обществах. Известно, однако, что в тех обществах, где государственная организация заведомо существовала, поселения резко различаются по размеру. Если данные о системах поселений специально собирались, для изучения политогенеза этот признак является основным. Правда классификация поселений по размеру надежна лишь там, где их площадь различается в несколько раз. Так, сделанный в свое время вывод о формировании государства в доурукской Сузиане нельзя считать убедительным, поскольку деление поселений именно на четыре, а не на три ранга в этом случае не является очевидным, а наличие лишь трех рангов свидетельствует скорее о формировании сложного вожества, нежели государства [Джонсон 1986; Johnson 1980; Wright, Johnson 1975]. Другая проблема — оценка размеров поселений при поверхностном обследова-

нии. Так, площадь поселения Гальинасо в долине Вину на севере перуанского побережья около рубежа нашей эры сперва была определена в 1000 га, но более тщательные исследования сократили эту цифру до 40 га [Fogel 1993; Millaire, Eastaugh 2011]. Поэтому следует с осторожностью относиться к результатам исследований, основанных на допущениях и интерполяции.

Таким образом, в работе мы рассматриваем не те общества, в которых существовала надобщинная организация (на этот счет можно лишь строить предположения), а те, для которых имеется хотя бы один из перечисленных четырех показателей: монументальные сооружения, сокровища, крупные поселения, трехуровневая система поселений.

Хотя в рамках всемирной истории важнейший исторический рубеж проходит между догосударственными и государственными обществами, невозможно сказать, в какой мере (если вообще) он ощущался в древности. Ранние прецеденты возникновения собственного государству специализированного управленческого аппарата (благодаря которому, вероятно, только и может сложиться четырех-, а не трехуровневая система соподчинения коллективов, отраженная в соответствующей иерархии поселений и характере общественных зданий) могли остаться лишь эпизодами, если традиция не закрепила их в качестве нормы.

Как давно замечено, в ранних сложных обществах, если они не основаны на горизонтальных связях и имеют определенный властный центр, авторитет этого центра обеспечивается его способностью организовать ритуалы, к которым население ощущает свою причастность. Под ритуалами имеется в виду формализованная коллективная деятельность, не связанная напрямую с производством средств существования и обороной. Ритуалы дороги, и для их организации требуется расширение производства. А чтобы мобилизовать работников для производства, необходимо устраивать все более пышные ритуалы. Выход из порочного круга — признание обществом верховной власти в качестве института, необходимость и очевидная данность которого сомнению больше не подвергаются. Тогда в прогрессирующем усложнении ритуалов отпадает необходимость. Система специализированного управления, воспринимаемая обществом как альтернативная норма, и есть государство [Drennan 1976: 360]. Если конкретная полития распадется, но состояние безвластия будет воспринимается как временное и противоречащее «природе вещей», го-

сударство быстро регенерирует. Это, если можно так выразиться, эмное понимание государства, в отличие от его этных определений, описывающих объективно существующие институты, которые исследователи договорились считать признаками государства [Harris 1979: 53; Pike 1954: 8–28]. Понятно, что об эмных сторонах культуры материалы археологии информации не содержат.

Все без исключения общества, относительно которых обычно предполагается их раннегосударственный уровень и которые этого уровня достигли спонтанно, а не под внешним влиянием, исторических текстов нам не оставили. Таковы Урук VI–IV в Месопотамии, Эрлитоу в Китае, Монте-Альбан и Теотиуакан в Мексике, Мочика в Центральных Андах. В тех же обществах, по которым хотя бы минимальные исторические данные имеются (Месопотамия и Египет начала III тыс. до н.э., иньский Китай, города-государства майя позднего классического периода, не говоря уже об ацтеках и инках), к числу первичных государств не относятся. Поэтому на вопрос, являлись ли государствами те или иные дописьменные общества, дать однозначный ответ в принципе невозможно. В лучшем случае мы можем выявить этные, т.е. внешние, признаки государства. Однако без признания самим обществом государственности как культурной нормы соответствующие формы организации не могли быть стабильными.

* * *

Итак, мы попробуем проследить динамику социополитической эволюции в южной части Нуклеарной Америки и сравнить ее с таковой в Передней Азии. Наш обзор в значительной мере основан на информации, ставшей доступной после 2000 г., и касается преимущественно американских материалов. Переднеазиатские проработаны не столь тщательно. Карты, иллюстрирующие динамику политогенеза в Нуклеарной Америке (см. рис. 76–79), имеют временной шаг в 250 лет. Хронологическая привязка памятников, особенно относящихся к III–I тыс. до н.э., не всегда надежна даже по отношению к столь крупным интервалам. Возможные ошибки вряд ли, однако, значимо отражаются на магистральной тенденции увеличения или уменьшения числа сложных обществ в пределах региона.

Все оценки времени опираются на калиброванные радиоуглеродные даты. Первая из проблем, связанных с их использовани-

ем, — существование периодов (в частности, в I и III тыс. до н.э.), когда разновременные образцы при калибровке дают почти одинаковый результат либо даты по близким по времени образцам в случае незначительной погрешности могут разойтись на столетия [Aurenche et al. 2001: 1201]. Другая проблема — региональные различия для калибровочных кривых. Так, не исключено, что калиброванные даты по Передней Азии на несколько столетий превышают календарный возраст, хотя это спорный вопрос.

Включенная в обзор территория Нового Света охватывает Центральные и Северные Анды и ту часть Центральной Америки, которая с андским регионом на протяжении последних полутора тысячелетий перед конкистой была связана теснее, чем с Мезоамерикой. Именно из андского региона в Панаму и Коста-Рику проникли металлургия золота и меди и некоторые элементы иконографии. Юг и восток Боливии, север Чили и северо-запад Аргентины представляют собой южную периферию Центральных Анд. Сложные общества появились здесь в третьей четверти I тыс. н.э. Они не включены в обзор, поскольку это довольно значительно увеличило бы объем книги. Кроме того, на примере южной периферии Центральных Анд прослеживаются в общем-то те же тенденции, что и на примере обществ Колумбии и Венесуэлы.

Цель книги — осветить вопросы, касающиеся развития обществ, отвечающих определенным социополитическим характеристикам. Другие аспекты культурной эволюции не затрагиваются.

Чтобы отличать названия археологических культур от названий соответствующих им древних государств, первые даны со строчной, а вторые, как и названия памятников, — с заглавной буквы.